
Было меня семеро,
Отпускало пятеро,
И еще по-всякому
В снах без задних ног,
Под кустами клевера
Двух конкретно спрятали,
Отыскать прикинутых
Только я и смог,
Звались фараонами,
Но внутри простейшие,
Горизонты двигали
Мы к ноздре ноздря,
А под утро тропами
Уходили к лешему,
Знавшего по правилам
Как забить гвоздя,
Уходили общими
За единым факелом,
Но когда приспичило,
Где-то в центре Ло,
На воскресной площади
С рук кормили ангелов,
С губ поили ангелов,
Каждый – своего

Вот что ты скажешь, если за окном
Весь зимний день, да что там день – неделю
Льет из ведра, как-будто здесь Содом,
Пора тушить грехи и звать Емелю,
А тот считает ночи на печи,
Тому любое дело не по делу,
В его пространстве могут палачи
Дудеть бесперестанно в вувузелу,
Хотя дожди и в Лондоне дожди,
Смывается последняя из точек,
И, вроде, надо крикнуть: Подожди!,
Но был убит вчера водопроводчик,
Ну, как убит... за бороду подвешен
В Гайд-парке при стечении зевак
Для той одной из всех возможных женщин,
Что разбавляет памятью коньяк,
Тем кончен бал. Под тяжестью вериг,
Любимая, ты видишь, я в остатке,
По фазе и по факту, правда, сдвиг
В иную ипостась, где пытки – сладки,
Где люди «fuck» и люди, типа, «please»,
Объединившись под Смотрящим В Оба,
Мне обещали самый главный приз
За собранные крышечки от гроба

А, говорят, на родине снега,
Метет, мороз и женщины под шубой,
Готовые хоть к черту на рога,
Но чтобы он с улыбкой белозубой
Им приносил горячий шоколад
И прочее для чуточку согреться,
А после можно снова в этот ад,
Где стынет кровь и ледяное сердце,
А, говорят, на родине февраль,
Обрезанный, но все равно длиннее,
Чем очередь из верящих в Грааль
И тамплиеров в чреве Мавзолея,

Нет вечности, сквозь пальцы все вода –
Так убеждали Заратустру йоги,
Когда зачем-то грызли провода
Между добром и злом с Большой Дороги,
Не спрашивай меня «Ну, как ты там?»,
Нормально! Будни ветренны и склизки,
Зато понятен чаще по утрам
Секрет ухода чисто по-английски,
Посредника же следует убить,
Теперь пусть в третьем мире правит эго,
Не провода, но тоже рвется нить
И больше нет ни родины, ни снега

Я горд в заброшенном себе
Лелеять временные складки,
Мой друг, бросай свои повадки
И вниз спускайся по трубе,
Не водосточной, а прямой,
Как рукописный след на снеге,
В грудном кармане обереги
Пусть возвратят тебя домой,
Там и ее приговоришь,
Других полно, не все так страшно,
Вон, даже Эйфелева башня,
Раздвинув ноги, ждет Париж,
При колебаниях стены
И содержимого во фляжке,
Неправда, светел путь не тяжкий,
А с крыши до моей спины

Исхудало, исходило
Без чулка на стройной ножке,
Кто-то машет мне кадиллом
Из окошка неотложки,
То ли запах, толь отпели –
Не сумел я разобраться,
Иглы в вены, словно дрели,

Стали вдруг в меня внедряться,
Больше что-то неохота,
Дольше тоже не случилось,
Не икота, не блевота,
Так...
Дышать...
Не получилось

Я к тебе отдаляюсь все ближе,
От тебя приближаюсь все дальше,
Начитавшись признательных книжек,
Но без риска попасться на фальши,
Я не вру. В этом смысл и загвоздка,
Можно - поза в пространстве безликом,
Помнишь труп посреди перекрестка
В круге женщин, страдающих криком?
Ну... где долго искался владелец
Изувеченной рифмами плоти,
Ни за что, но конкретный сиделец
На просроченном автопилоте,
Ты тогда еще всех пожалела,
От дождя прикрывая останки,
Приспособив под мокрое дело
Нефартовую юбку цыганки,
Был расчет на «никто не заметит»,
Типа, сами мы здесь непонятно,
А что вдруг оказались на смерти,
Так и в правде случаются пятна,
Подсознанию как там в кармане?
Ведь его ты с сиренами сперла,
Пока люди крестились в тумане
И точились медбратьями сверла,
Под шумок топ атоуг понимала
Без чего невозможно поэта,
Без чего невозможно финала,
Даже если любовь не допета,
Танец с выходом, белый от чувства,
Два прихлопа и полупритопа,

Каблучками по цели до хруста,
В черепную мишень мизантропа,
Что теперь? А теперь вновь босая
По привычному так бездорожью
Одиноко бредешь, зависая
Между жизнью и собственной ложью

Земля... Земля... Как много в этом грязи
Дождливой ночью полем напролом,
Когда все мысли тонут в непролази,
А вместо сердца пламенный облом,
Куда ни шаг - везде одни итоги,
Куда ни два – земля опять кругла,
И постоянство внутренней тревоги,
И неизменность тупости угла,
Чему не быть, того и быть не должно,
Все лишнее за борт, на дно, в изгой,
Признать в себе ненужность просто-сложно,
Но лучше сам, чем кто-нибудь другой,
Земля... Земля... Как много в этом – вечно,
Последней точкой станет город Ло,
И никого шагающих по встречной,
И тишина.
И страшно.
И светло!

Ляг. Замолчи. И стань частью зимы.
Декабрь впремежку со снегом – музыка дна,
Тени тронулись в путь. Это странные мы
Еще веруем в небо и в то, что дана
Одинокая правда сгоревших свечей
Всем ушедшим к воде от пустого причала,
В переполненных спальнях ненужных ночей
Потолок – наш мольберт. Начинаем сначала